

пурпур
Маленький фельветонъ.
1900. № 138

Знаменательные торжества.

Ужъ мы пили, пили, пили,
Ужъ мы ёли, ёли, ёли...

Была интеллигентная Россия съ большимъ вниманиемъ слѣдила за тѣмъ, что дѣжалось въ «Волковскіе дни» въ Ярославль. И что же она узнала изъ газетъ, этого единственнаго источника всенародныхъ свѣдѣній?

Прежде всего съ огорченiemъ вычитала она изъ корреспонденцій, что болѣе или менѣе извѣстные литераторы бли-
стили на этомъ празднике культуры сво-
имъ отсутствиемъ. Зато малоизвѣстные,
и то въ крайне ограниченномъ числѣ,
произносили такія нескладныя рѣчи, что
корреспонденты только машинали рукой и
не рѣшились передавать содержаніе ихъ,
разглагольствованій.

Однѣй снисходительный корреспондентъ пишетъ, что публика благодушно отно-
силась ко всемъ промахамъ ораторовъ,
прощала «тумашную вѣтеватость ихъ
рѣчей», прощала невѣжественному го-
сподину, думающему, что празднуется не
150-лѣтній, а 125-лѣтній юбилей, и т. д.

При такихъ условіяхъ весьма естес-
ственно, что юбилей не оставилъ никакого
умственного слѣда на слушателяхъ
доморощеннаго ораторства. Корреспон-
денты рѣшительно недоумѣвали: о чёмъ
писать? Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ
было трагическое: писать нечего, а надо,
во что бы то ни стало, надо писать.
О чёмъ же писать?

И вотъ они пришли къ расстройству
о тѣхъ моментахъ юбилея, ко-
торые единственно только и оживили
участниковъ торжества, съѣхавшихся на
него изъ разныхъ мѣстъ. Эти моменты
были: ужинъ въ фойе театра, «обиль-
ный яствами и питіями», по выражению
нововременскаго корреспондента г. Юр.
Бѣляева. Кормили актеровъ, какъ ха-
рактерно и деликатно выразился тотъ
же корреспондентъ, «на убой»... И чѣмъ
талантливѣе артистъ, а особенно артист-
ка, тѣмъ убийче была єда, подававша-
ся ей, и тѣмъ роскошнѣе была отве-
денная ей квартира. Такы, г-жа Савина
удостоилась высшей чести, на какую
только можетъ разсчитывать великий та-
лантъ: ее помѣстили въ роскошномъ па-
лацио купца Сорокина. Купецъ Сорокинъ
вызвалъ неподѣльный восторгъ г. Бѣ-
ляева, да и было за что: въ домѣ купца
Сорокина зеркальныя окна и такой фрон-
точъ, какою несть и у губернаторскаго
дома, по словамъ нововременскаго кор-
респондента.

А рѣчь у городского головы Вахрам-
ѣва, по словамъ корреспондента другой
газеты, «навсегда» (?) остается въ
памяти благодарныхъ гостей; столы для
ужина были въ большомъ залѣ, гости-
ная и столовая были обращены въ за-
кусочный...

Да, можно сказать, и этотъ купецъ
на слову учествовалъ память Волкова и
«на убой» накормилъ актеровъ. Надо
жалѣть, что прѣхали на эти обѣды,
ужины и закуски все сытые артисты:
лучше бы послать голодающихъ,
разныхъ Счастливцевъ, которыми ки-
мѣ-кишитъ провинція.

И то вѣдь правда: Жюмини, да Жюми-
ни, а обѣ водкѣ—ни полслова.

Зато, какъ только загремѣли бутыл-
ки, рюмки и бокалы, какъ оживилось
все, а «къ концу ужина,—какъ во-
сторженно говорилъ самый обстоятель-
ный корреспондентъ,—всю эту массу лю-
дей охватило необычайное, непод-
дающееся описанію (!) оживленіе».

Тутъ, неожиданно для всѣхъ, кто-то
гаркнулъ: «Внизъ по матушкѣ»,—и по-
шло! Знаменитый теноръ запѣваетъ,
знаменитое soprano поддерживаетъ, всѣ
поютъ, весь столъ заплясалъ, того и
гляди, вмѣстѣ съ развеселыми гостями
запляшутъ лѣсь и горы съ знаменитыми
франтовами.

Съ болѣю на сердцѣ, замѣчаетъ корре-
спондентъ: «Мѣсто не позволяетъ долго
останавливать ваше вниманіе на этомъ
ужинѣ; скажу одно: нельзя забыть чуд-
ное настроение, какое охватило всѣхъ
кушавшихъ и пившихъ въ эту знамена-
тельную ночь!»

«Знаменательная ночь!» Какое знаме-
нательное это выраженіе: именно ночь,
съ ужиномъ и пѣснями только и остав-
или впечатлѣніе на участниковъ празд-
нества, а днѣ, съ ихъ трезвыми, но
скучными безсодержательными рѣчами, не
произвели никакого дѣйствія.

Но верхъ буржуазно-культурныхъ ра-
достей—моментъ, когда одинъ изъ луч-
шихъ, талантливѣйшихъ артистовъ дра-
матической труппы, славящійся по
всей Россіи, отдался общему разгульно-
му настроению и пропѣлъ (да, про-
пѣлъ!) цыганскій романъ: «Я обожаю»...
И при этомъ онъ замѣчательно мѣтко
передразнивалъ цыганъ.

Чествование памяти Волкова посред-
ствомъ цыганщины и возліянія жертвъ
богу вина и обжорства «на убой» окон-
чилось утромъ.

На другой день—завтракъ у новыхъ
купцовъ: Востряковыхъ. Это былъ, по
словамъ лѣтописца, «волшебный» зав-
тракъ, съ изобилиемъ яствъ, «съ феери-
ческими кулебяками и водопадомъ (!)
шамианскаго». Откровенно сознается
этотъ пынвый корреспондентъ: «Проголо-
довавши во время прогулки, мы
накинулись на заманчиво сер-
вированные столы, и въ какой-нибудь
части толпа въ двѣсти человѣкъ уни-
чижила все приготовленное».

Послѣ завтрака, какъ и послѣ вчераш-
наго ужина у купца Вахрамѣва, насту-
пило трудно передаваемое сживленіе: всѣ
чemu-то стали радоваться, хохотать, кри-
чать. «Обыкновенные женщины, звонкое веселье
молодыхъ артистовъ, проявлявшихъ даже
на пароходныхъ палубахъ (!) не мало талантовъ (?),—все это созда-
вало,—говорить краснорѣчивый корре-
спондентъ, —трециное, жизнерад-
остное настроение»...

Потомъ поѣхали за городъ смотрѣть

фабрику одного купца, но где тутъ смо-
трѣть? Мигомъ пролѣтѣло время осмотра
фабрики, а тамъ наступила болѣе инте-
ресная часть дня,—гостей позвалъ ку-
пецъ обѣдать: тутъ опять краснорѣчие и
восторги корреспондента на тему:

Какой обѣдъ намъ нѣдавали!

Какимъ виномъ насъ угостили!

Во время прогулки приглашенные кор-
респонденты вѣдь успѣли опять проголо-
даться, а потому съ восторгомъ отдались
обѣду «съ дивными кулебяками на столѣ».

Тутъ они пили, пили, пили, ёли, ёли
и «часа полтора спустя, мы, еще
болѣе довольные жизнью
(sic!), вернулись на пароходовъ и
пошли назадъ, въ Ярославль».

Тамъ побывали въ театрѣ, на спектак-
ль, посль котораго пошли... ужинать.
Хорошо поужинали, такъ хорошо, словно
и не обѣдали и не завтракали. Засидѣ-
лись опять до утра и на прощаніе ста-
ли горячо благодарить хлѣбосольныхъ хо-
зяевъ... за хлѣбъ-соль, а также,—гово-
рия высокимъ слогомъ одного изъ коррес-
пондентовъ,—за эти «зnamenатель-
ные торжества, которыхъ должны

войти въ одну изъ блестящихъ страницъ
исторіи»...

Стоитъ ли расточать краснорѣчіе по
поводу всего, здѣсь описанаго? Кажет-
ся, дѣло ясное и нетребуемое комента-
ріевъ: спрѣдѣловали юбилей на дво-
кулебяками, виномъ, веселыми шутками,
опять виномъ, опять кулебяками, цы-
ганскими романами, опять виномъ, а
что при этомъ всѣмъ было очень весе-
ло, обѣ этомъ свидѣтельствовали отума-
ненные взоры опьяненныхъ восторгомъ
веселящихъ поклонниковъ Волкова, друз-
ей искусства!

Эненъ.